

Молодой взлохмаченный йотун, играясь, размашисто бьет лапой по колесу зимы, и то крутится, весело повизгивая на оси, и все сыплется, сыплется с перекладин мягкий, словно клочки йотунской шерсти, снег и укрывает теплым войлоком простывшую землю. Йотун смотрит, как красное размытое пятно солнца за снеговыми облаками крадется по горизонту и сползает вниз, и луна бледным калачом уже косится с другого конца неба. Оттуда из города этого не видно – там от солнца людям достается только несколько часов тусклого света. Не видно и того, как в горах темнеет, и из-за камней осторожно выходят те, кто прячется днем, и принохиваются к вечернему морозу. Глядя на них, йотун старается крутить колесо потише, чтобы их следы не совсем занесло, и зверьки нашли дорогу домой.

– *Хватит – нежности*, – ворчит, ворочается старый Имир, и горы едва заметно содрогаются, когда он говорит. – *Надо – буран – буран*.

Йотун обижается и набрасывает на прячущееся солнце шмат угрюмой тучи, а потом и вовсе закидывает ими полнеба. Луны теперь совсем не видно.

– Завтра будет тебе буран, – и садится между двух гор, и замирает третьей, только черные глаза-пещеры глядят на город. Но и их не видно из-за снегопада.

***

– Завтра будет буран, – эхом повторяет из кресла Фритьоф, глядя в окно на заволакивающеся тучами небо над горами.

– А ты еще так ничего и не нарисовал, – подхватывает Снорри из-под стола, где постелен теплый ворсистый ковер, и прячет нос поглубже под лапу. Крошечная комнатка жарко натоплена, но Снорри, который умеет находиться одновременно в нескольких местах и временах сразу, знает, что снаружи холодно и будет еще холоднее. От этого ему неудобно.

Фритьоф задумчиво смотрит на него. Из многих примет вернее всех одна: если с тобой начинает говорить кот, это к тому, что нужно взять телефон и позвонить Семье.

Снорри знает Семью только по голосам. Вот уже несколько лет каждый день Фритьоф, просыпаясь, подобно своему знаменитому тезке преодолевает сотни миль и подобно ему же никак не может достигнуть цели. Его «Фрам» – стариковское сердце в одной упряжке с мыслями – ежедневно мчится на всех парусах, но не к северу, а наоборот, к неоткрытому еще югу, и обреченно останавливается, не в силах вообразить дочь и внука среди пестрых лоскутов испанских пляжей. Тогда Фритьоф берет телефон, и сотовый оператор рисует воображению талантливые картины, сложенные из голосов, интонаций и звуков на заднем плане. Но все это остаётся лишь хорошо написанными полотнами: ему ли, старому художнику, не знать разницы между искусством и явью. Первое возносит и утешает, вторая – беспощадна. Так, пожалуй, и капитан «Фрама» в бесконечных льдах видел свой Полюс, который не спешил приближаться, игнорируя силу человеческой мечты.

Фритьоф поднимается из кресла, разыскивает телефон под грудой листов картона с набросками, набирает номер и перестаёт существовать здесь и сейчас. Остается только маленькая темноватая комнатка с невысоким потолком, так тесно заставленная разномастной мебелью и картинами, что Снорри отчасти подозревает, почему Фритьоф уже некоторое время ничего не пишет: кажется, поставить готовые работы уже попросту некуда. Каким-то чудом сюда еще помещаются белоснежный встрепанный кот и длинноволосый седой старик, который, впрочем, и так занимает немного места, а сейчас отсутствует вообще.

Чутким ухом Снорри слышит глухой женский голос, перемолотый и

искореженный техникой. Голос не радостен, но и не раздражен, в нем слышатся терпеливые, слегка снисходительные интонации. Снорри тоже стар и знает, что такие голоса бывают у уставших людей, смирившихся с неизбежностью говорить одно и то же каждый день одному и тому же человеку.

– Да все хорошо. Ларс, правда, вчера отравился чем-то в школе.

По-моему, никак не может привыкнуть, что стали давать гаспачо на обед.

– С инструктором по плаванию еще не договорились – вчера его так и не застали...

– Не переживай, отравление школьным обедом – это не грипп, уже прошло.

– Не так уж и жарко, меньше слушай, что там по радио говорят. Может, мы привыкли уже, да...

– Кстати, пап, у меня к тебе дело, – и кошачье ухо улавливает совсем другие интонации: это застенчивая просьба, на которую говорящий, как ему кажется, не имеет права из-за обычного равнодушия. – Когда пройдет выставка, можешь отправить часть картин? Я бы нашла им место. У меня тут много знакомых художников и коллекционеров, и все просят северных пейзажей, когда узнают, откуда я и кто ты. Хорошо? А сейчас надо бежать...

Фритьоф кладет трубку, не спеша возвращается с испанских пляжей в свое обиталище и, еще не веря своему счастью, робко улыбается в мебельный хаос. Она еще не знает, – а Снорри снисходительно смотрит на него из-под стола; давно бы мог сказать, – что эти картины он привезет ей сам, как только получит деньги за выставку.

Изначально, правда, планировал везти только себя, но Инге впервые со дня своего переезда в Испанию попросила его о чем-то! – а значит, надо будет поднатужиться и дотащить тяжелые папки с полотнами сначала до такси, потом до здания аэропорта, доплатить за транспортировку хрупкого багажа и все три часа ерзать, переживая за капризные картины. Правда, самих полотен еще нет, а это ставит под сомнение все мероприятие с самого начала. Нет картин – нет выставки – нет денег, а значит, нет и самолета, который вырвет его из темного зимнего Тромсе и перебросит в непонятную, но надрывно зовущую яркую Барселону.

Фритьоф наконец впервые за много дней чувствует знакомый зуд в кончиках пальцев: вот бы уже сейчас рисовать, слабеющим глазом разгадывать оттенки белого, который под магией окружающих предметов оборачивается то розоватым, то серым, но уже ночь, а завтра будет буран, и придется остаться дома! Обессилев от переживаний, он аккуратно присаживается на кровать и опускает голову на смятую подушку.

***

Когда приходит утро, йотун зевает – всю ночь он невольно косился глазами-пещерами на мечущиеся среди снежинок беспокойные сны старого человека из ярко-красного двухэтажного дома на окраине города.

Человек часто приходит в горы, пристально смотрит на йотуна и его собратьев и водит кисточкой по большому листу бумаги, то поднимая, то опуская взгляд, и тогда что-то ворочается в нутре йотуна, наматывается на невидимый вал и остается пахнущими медом красками на белом листе. Летом человек иногда приходит со зверьком, и тот, валяясь на раскинутом специально для него плаще, поет песни, которые йотун понимает – в отличие от песен людей. Ему вообще сложно понимать людей и их город – цветные кубики, беспечно разбросанные под старыми горами, но про этого человека и его зверя йотун почему-то знает все. Может быть, потому, что, когда человек сидит в своем сером шерстяном свитере, он сам похож на обломок скалы, а его длинные белые волосы – на лучи северной луны. Йотун знает, что такое бывает с теми, кто долго живет в царстве снегов и становится родным древним существам и колесу зимы и лета. А этот человек еще и так искусно умеет множить скалы и снега на бумаге, что реальность двоятся даже для йотунов, которые заглядывают ему через плечо и путаются в акварельных и каменных горах. Когда же йотун смотрит человеку внутрь, то видит нудную полярную ночь, которая раз в день сменяется коротким периодом, и свежий свет заливаает каждый уголок. Правда, свет этот льется откуда-то с юга, и в нем плывут блики горячего моря, отсветы сочной зелени и ярких красок, – а потом все гаснет. Жизнь в северном человеке поддерживает юг.

Йотун смотрит на крепко спящего Имира и потихоньку обуздывает злой ветер с моря, собирает миллиарды снежинок в широко раскрытую пасть, отгоняет тучи, которые сам же натравил на небо, и щурится, когда город и горы осторожно заливаает сумеречный зимний свет.

Когда приходит утро, Снорри, мечтающий о солнечной луже на узком подоконнике, зеваает и косится на Фритьофа. Тот, кажется, не верит слабеющим глазам – небо над городом словно светится изнутри, как рисунок акварелью, хотя должен бушевать буран. Если в известном вдоль и поперек мирке, составленном из полярных дней и ночей, снега, скал и унылой готовой еды из супермаркета, не срабатывают приметы – это серьезный сбой. Снорри это понимает, но не слишком удивляется: котам проще принимать перемены, ибо для них мир куда многослойнее и глубже.

Когда приходит утро, Фритьоф собирает небольшой мольберт и грунтованный картон, складной стульчик и акварельные краски и выскальзывает из дома, забыв позавтракать.

***

Он решает начать с аккуратного домика с голубой крышей – магазина игрушек. Они с маленькой Инге часто ходили сюда. Крохотный пряничный мир, согретый навесными фонариками, маленький разноцветный праздник среди сиренево-серого утреннего сумрака и снега. Он напишет его так, что Инге снова покажется, будто ей пять лет, и она стоит перед яркой витриной,

восхищенно разинув рот от красоты новой куклы в белоснежной пушистой шубке. Кукла кокетливо смотрит на Инге вполоборота, улыбаясь через стекло, а Фритьоф судорожно прикидывает, во сколько ему обойдется эта красавица, если окончательно заморочит малышке голову и сердце. Но отдаст, конечно, сколько нужно будет; заберет, выгрызет, отнимет, выиграет у мира любимыми способами – и отдаст, лишь бы Инге оставалась весела и довольна.

И он дует на мерзнущие пальцы, и полупрозрачными мазками на листе неспешно появляются и домик, и фонарики, и красotka в шубке, и свет появляется – особый, почти невидимый, из самой глубины листа и красок, – но Инге его точно заметит, почувствует, и лицо ее, загоревшее под палящим солнцем, чуть посветлеет. Фритьоф пишет и про себя сетует на слабеющее зрение – чем ярче становятся краски на листе, тем бледнее они кажутся, когда он поднимает голову на домик; а может, это просто снежная пыль, которую легкий ветер сносит с крыши, да сумерки январского дня.

Хозяин, господин Гуннар, появляется из магазинчика и приветливо кивает Фритьофу, но из вежливости не заглядывает в лист, а спускается с крылечка и быстрым шагом удаляется вдаль по улице – наверное, пошел за горячим кофе или обедом в ларек, оставив за прилавком сына. Его силуэт тоже плывет и качается в глазах Фритьофа, но он успокаивает себя тем, что почти закончил основное – останется только проработать детали и зафиксировать картину из баллончика, но это дома, дома, там тепло и можно будет сначала согреться, и дать отдохнуть глазам. А день уже, оказывается, в самом разгаре, и по улочке туда-сюда ходят люди, бегают собаки, двери хлопают, гудки машин издали властно несутся вместе с поземкой, и полярная жизнь неспешно, но деловито кипит, мужественно игнорируя отсутствие солнца и тягостную зимнюю лень.

Фритьоф начинает понемногу собираться, складывать лист в особую папку, а мольберт, краски и стульчик – в большую сумку и напоследок решает заглянуть в магазинчик к сыну господина Гуннара. Что-то долго он сам не возвращается, а может, и давно проскользнул мимо Фритьофа, увлеченного работой. Но старик заходит в дверь – колокольчики игриво звякают – а за прилавком никого, совсем никого, и ни одного посетителя – никто не разглядывает очаровательный игрушечный мир, никто не хочет заполучить себе кусочек волшебства, и некому все это волшебство сторожить. Странно, думает про себя Фритьоф, странно, но мало ли куда могли отлучиться хозяева, их дело. Ему отчего-то становится неуютно в заброшенном чудесном мире, да и зрение все-таки перенапряг – цвета все тусклее, а перед глазами какие-то мушки, и мелкие машинки и домики даже не разглядеть, и все словно бы расплывается.

Фритьоф выходит обратно, на улицу, и направляется в сторону дома, почти сразу же забыв про магазинчик, потерявшись в других мыслях и мечтах.

А йотун сидит горбатой горой, совсем тихо покачиваясь вперед-назад, и смотрит, смотрит с любопытством, распахнув глазищи, как посреди города мерцает маревом полупрозрачный, уже готовый совсем исчезнуть аккуратный домик с голубой крышей, и как старик с белоснежными волосами возвращается домой, ест невкусную еду, кормит зверька, недолго спит, а потом снова принимается работу. И когда на листе картона ослепительной голубизной во всех деталях возникает чудесный игрушечный магазин господина Гуннара по улице Стургата, марево пропадает совсем, и дома в один миг сдвигаются друг к другу, как ни в чем не бывало, словно и не существовало никогда в городе никакого домика с голубой крышей, куклами и фонариками.

***

А Имир все спит богатырским сном – йотун нашептывает ему колыбельные, ох и достанется же ему потом за это! – и бурана нет ни на следующий день, ни после, и Фритьоф торопится, пишет, творит свою акварельную магию из последних сил, и, хотя рисунки получаются все такими же волшебными, как раньше, старик чувствует, что сил уже не так много. Но нужно успеть, дата выставки назначена, и Фритьоф даже реже звонит Семье – недосуг, он готовит Инге подарки, чудесные подарки: берет свои воспоминания, и грусть, и тоску, и скуку, и все, что он чувствует к городу, и пишет это с натуры, а на листе остаются только свет да радость – краски тоже волшебные и превращают одно в другое; на листе не место грусти и тоске, ибо к чему бы Инге это? Фритьоф радуется, ему словно бы становится легче – с каждой картиной отчего-то все меньше давит неуютный зимний город, словно старик по кусочкам разбирает его и оставляет на листах, а на них – уже не тот нудный Тромсе, что вокруг, на них – волшебство, любовь и свет.

И Магнус, давний знакомый Фритьофа, постоянный устроитель его выставок, приходит к художнику, смотрит на картины и одобрительно кивает головой.

– Это гораздо лучше, чем если бы ты просто написал серию городских пейзажей, – восхищается он. – Настоящий магический реализм! Первый раз у тебя такое вижу: это ведь Тромсе, точно он, но такой сказочный, да и откуда ты взял все эти места? Чудо как хорошо. Снова удивил, отец!

Фритьоф смеется: Магнус еще молод и, наверное, не знает всех городских уголков так, как он сам узнал их за многие-многие десятилетия – ну да, откуда бы. Но не узнать улицу Стургата? Наверное, невнимательно смотрел; да и ничего, и пусть называет это так, как ему нравится.

В последний день своей работы – он знает, что последний, почти все уже готово – старик проходит мимо улицы Стургата и решает заглянуть в магазинчик с голубой крышей. Он вдруг понимает, что хочет именно там купить подарок Ларсу, хоть и не знает толком, играет ли все еще внук в игруш-

ки. Но он купит что-нибудь универсальное, пазл или набор для лепки, а то и просто красивый сувенир. И чтобы в нем обязательно нашлось что-то от того теплого севера, который они открывали вместе с маленькой Инге – Фритьоф тогда словно заново смотрел и на горы, и на море, и на полярную ночь; все это восхищало и радовало малышку, и он радовался и восхищался вместе с ней.

Так, в мыслях своих Фритьоф проходит всю улицу от начала до конца, а потом смеется своей способности замечтаться и возвращается к месту, где должен быть магазинчик. Но где же он?

Фритьоф недоуменно оглядывает дома, которые стоят слева и справа от него: все верно, сувенирная лавка и ломбард, но почему-то теперь они стоят вплоты друг к другу.

Старик беспокоится, он беспокоится за свою старость и память, и на всякий случай проходит заснеженную улицу вдоль и поперек еще раз, но так и не обнаруживает домика с голубой крышей. И тогда он решает прикинуться заезжим и обращается к хорошо одетой молодой даме с вопросом о магазине игрушек с голубой крышей, но та, дружелюбно улыбаясь, сообщает, что такого здесь нет отродясь, наверное, ошиблись улицей или еще что-то, может, вас куда-нибудь проводить?..

Спасибо, спасибо, нет, и Фритьоф бредет по городу в странном оцепенении, бредет, бредет, но на этот раз не позволяет себе задуматься, а как бы исподволь наблюдает, осторожно, чтобы не спугнуть город – но не находит ни маленькой старой кофейни, ни переулка, полного цветных бабочек-рисунков на стенах, не находит старого сквера, где вечно прогуливаются бродячие коты, ничего не находит, но ничем себя не выдает, а идет неспешным шагом домой и там садится в кресло, смотрит на картины и плачет, плачет, и слезы иногда капают прямо на сияющие краски. А белоснежный Снорри лежит под креслом, где тоже есть кусок ворсистого ковра, и иногда сочувственно высовывает лапу и трогает ноги старого художника, но что он может сделать, мудрый кот, для которого все, что происходит, так обыденно и понятно.

На следующий день Фритьоф идет в горы по почти незнакомому городу, а там смотрит прямо йотуну в лицо, и тот покорно перебирается на бумагу, садится горбатой горой на листе, замирает, а его собратья тревожно шушукаются, и от этого как будто слегка содрогается земля. Да нет, не от этого – старый Имир тяжело просыпается, оставшись без колыбельных! Уходи, уходи, старый волшебник, властелин красок и своих желаний, ибо в горах начинается буря.

***

– Пап, ты понимаешь... – Снорри слушает голос Инге вполуха, старательно мурлыкая Песню Тепла, без которой пропали бы и он, и Фритьоф в этой страшной метели, и не спас бы никакой ярко-красный двухэтажный

дом на окраине. – Я рада, что ты хочешь приехать, правда, очень рада! Но мы только-только начали жить с Дженаро. Я боюсь за то, как вы поладите. Ладно, по правде, он очень вспыльчивый, и чуть что не по его... Давай ты приедешь, когда он будет во Франции на соревнованиях? Через полгода или около того. Картины?.. Как хочешь, смотри сам, можешь отправить, если некуда девать. Не знаю, пап, не знаю. Все. Пора забирать Ларса из школы...

Фритьоф, как всегда, медленно возвращается в тесную комнату и долго-долго сидит, покачиваясь в кресле. Потом насыпает Снорри корма – а тот поет все громче, мудрый кот, он все понимает и хочет напоследок обогреть старика и себя – берет картон, краски, кисти и садится перед единственным зеркалом в комнате, потемневшим, треснувшим, но все еще способным выполнять свою функцию.

Смотрит на себя, а потом на лист, даже сейчас сокрушаясь о плохом зрении, грустно вздыхает и делает первый мазок.